

Уплыл причал. История моего отца

Наталья Гарбер, 2008,
Из книги «Джем»

<i>Истина должна быть пережита, а не преподана.</i> Герман Гессе <i>Если бы мир был милой лужайкой, а жизнь – веселым пикничком, я бы хотел быть маленькой девочкой в платьишке колокольчиком.</i> <i>Человек может подружиться с чем удобно. С любым представителем фауны и флоры. С вещью домашнего обихода. Все живое и каждая вещь о чем-то думают.</i> <i>Я подружился с белым листом. Поскрипывая по нему пером или постукивая рычажками клавишей машинки, я читаю его мысли. А иначе он ничего не скажет. Строгий молчун</i> <i>Борьба – сопротивление пустое. Лишь поиск!</i> <i>Искать – единственное позитивное. Не одолеть стихию! Никак! Стихия!</i> <i>Возможно лишь найти себя в ней. Не утвердить. – Найти.</i> <i>И самый острый клинок сточит ржавчина времени, если он без ножжен.</i> <i>Клинок находит себя в ножнах. Ножны – на всаднике. А всадник – на коне!</i> Михаэль Гарбер, «Мысли для узкого круга», 1968	Воссоединение <i>Не объясняй мне, что он говорит, Не разрушай, что чудится и мнится. Дай мне с ним напрямую объясниться, Оставь исходник – это был иврит.</i> <i>Отец оставил почту для меня – Не лезьте в письма. Не переводите На все лады. Послания на иврите Прочту в своей крови при свете дня.</i> <i>Мне нравится, не различая слов, Вдыхать соленый воздух сообщения, Идти сквозь смерть и боль невозвращения К прощению. Я знаю – он готов</i> <i>Простить себя и отпустить печали, И я, пройдя путем его беды, Свободна. Звуки слов понятны стали, И я читаю их, как плеск воды,</i> <i>Как тихий свет Рождественской звезды, Как легкий вольный ветер на просторе. На русском и иврите чайки в море Орут. И не считают за труды.</i> <i>А я пишу. Я шум кедровой роицы, И звон монист, и песня рыбака, Я то, что в сердце – и издалека. Я знаю все. Не объясняй – так проще.</i> Наталья Гарбер, 2006
--	--

Эмигрируя, мой отец мечтал купить зАмок и пистолет. Пистолет, говорят, купил, а вот зАмок – не получилось.

Я ничего этого не знала. Мать моя до моих 30 лет молчала, а больше, казалось, некому было рассказать.

В 30 мать немного о нем рассказала. Имя, фамилия, юношеское фото. Был спортсменом, закончил МГУ, а через четыре года уехал в Израиль, подписав документ об отречении от меня. Умер в Хайфе в возрасте 45 лет. Остального мать мне не говорила, а больше спросить было не у кого. Да и больно было спрашивать.

К двадцатилетию отцовской смерти я как-то особенно затосковала, повесила на стену календарь с зАмками и пошла учиться стрелять. Не помогло. Оставалось надеяться на чудо.

Чудо я заслужила через 4 года, к своему сорокалетию. Теперь я знаю все в подробностях.

История и истоки

Жизнь есть Вера в Истину, Цель и Смысл.

Великое чувство – видеть, как Жизнь раскидывает банк. Присутствовать и чувствовать себя партнером.

Человек не одинок. У него есть страх. Человек не остается без дела. То ему надо отдохнуть, то пора браться за ум. Разные занятия. Человек отдыхает и работает. Для кого работа – отдых, а отдых – работа. Для кого и наоборот. А стоит немного зазеваться – страх тут как тут, – с поручением. Человек отдыхает и работает, а философ ... живет и живет.

Есть люди настолько живучие, что убить их может только время.

Михаэль Гарбер, «Мысли для узкого круга»

...Мать моего отца – еврейка родом из Бессарабии или Северной Буковины. Имени история для меня не сохранила, но она появилась на свет где-то сразу после 1917 года, не позднее начала 1920-х. В 1918 году Румыния захватила Северную Буковину, не принадлежавшую России, и Бессарабию, которая до того была территорией российской империи. Румыния с той поры для России была врагом.

Мою будущую бабушку в те годы это, похоже, не очень тревожило – она выросла и работала продавщицей магазина румынской галантереи. Продавала чулки и, говорят, различала чуть ли не 200 оттенков коричневого цвета – столько было разных цветных чулок в Румынии в то время, когда в СССР цвела только постреволюционная разруха.

И все-таки румыны с бывших российских территорий официально или самотеком переселялись на территорию СССР – кто по семейным, а кто по иным причинам. Попадали они в Молдавию и на Украину. В ответ на это 17 августа 1937 года в СССР вышел приказ о проведении «румынской операции» в отношении эмигрантов и перебежчиков из Румынии. Осудили более 8000 человек, из них почти 5500 приговорили к расстрелу.

И это еще моей бабушки не коснулось. А вот когда в 1940 году СССР забрал себе обратно Бессарабию, прихватив Северную Буковину, будущая мать моего отца оказалась, наконец, на Советской территории. В процессе скитаний она прижилась в Кишиневе, где и познакомилась с моим будущим дедушкой – еврейским портным Давидом Гарбером. Русским языком новая гражданка СССР овладевала с трудом, поэтому с Давидом они общались на идиш. Разноцветных чулок в магазинах тут же не стало, как не стало самих этих магазинов и многого другого. А вот хорошее зрение могло быть для евреев-непролетариев просто опасным. Однако друг друга мои дедушка с бабушкой разглядели вполне – и поженились.

В мае-июне 1941 года на всех территориях, присоединенных к СССР в 1939–1940 годах, НКВД провел массовый арест и депортацию «социально чуждых» элементов. По решению Особого совещания при НКВД СССР эти люди получали в среднем 5–8 лет лагерей плюс 20 лет ссылки, если не расстрел. Одновременно стартовала и более мягкая, но более широкая кампания высылки всех сомнительных элементов на поселение сроком до 20 лет – в Казахскую ССР, Коми АССР, Алтайский и Красноярский края, Кировскую, Омскую и Новосибирскую области. В результате в лагеря тогда попали около 19 тысяч человек, а еще около 87 тысяч поехали на поселение. Только из Молдавии и смежных с ней Черновицкой и Измаильской областей УССР НКВД выслал более 30 тысяч жителей. Всего по стране в то время было депортировано около 2,5 миллионов человек, из которых большинство погибло. Выжившие евреи и румыны не могли вернуться в родные места еще до 1956 года, а немцы и татары – аж до конца 1980-х.

На этом фоне Гарберам, можно считать, сильно повезло. Каким-то образом, эта еврейская пара с наполовину румынскими корнями, разговаривавшая на идиш, миновала расстрел, лагеря и 20-летнюю ссылку. Они попали, похоже, всего лишь под превентивную

депортацию евреев и румын летом 1941-го. В начале войны всех «потенциальных пособников врага» от всегда сомнительных евреев до очевидно «чуждых» немцев и румын выслали за Урал, и какую-то часть этих людей мобилизовали в так называемую трудовую армию. Видимо, в этот поток попала и чета Гарберов. В то время у них был один малолетний сын, а моего отца еще не существовало. По дороге ребенок погиб, а семейная пара доехала до места назначения в Предуралье, коим, судя по рассказам отцовских друзей, был город Соль-Илецк Оренбургской области, в 77 км к югу от Оренбурга.

Место ссылки отцовских предков примечательно тем, что основано в 1754-м как крепость Илецкая Защита. В XVI веке там начали добывать пищевую каменную соль у горы Тустеби. К 1775 году, когда крепость была взята Хлопушей, соратником Емельяна Пугачева, в Соль-Илецке был уже серьезный соляной бизнес. В 1865 году город, уже, конечно, возвращенный под официальное правление, переименовали в Илецк, и вскоре здесь разместили императорскую каторжную тюрьму.

К началу XX века, когда Илецк стал традиционным местом ссылки и заключения, соляной бизнес уже срыл гору Тустеби до основания, превратив ее окрестности в группу котлованов. Когда те естественным образом наполнились водой, смышленные промышленники назвали их озерами и основали рядом водогрязелечебницу, работающую до наших дней. Таким образом, среди угнетенной части населения город славился как место гибели в тюремной грязи, а в среде благополучных россиян – как место оздоровления на грязях.

К началу 1940-х, когда туда попали Гарберы, город снова назывался Илецкая Защита. И если изначально название места указывало на защиту поселян от набегов инородцев, то теперь городские стены укрывали инородцев внутри, защищая от них воюющий СССР. Город был, скорей всего, полон ссыльными.

Детство и юность

Социальный организм не оставляет нам почти никакой возможности проявления нашей воли. Но это и является причиной ее существования.

Время точит и точит старую правду. Сушит и трет ее и стирает в пыль. Не время, конечно, а люди. Это они укорачивают правду с одной стороны и удлиняют с другой. И длинная правда так и путешествует. Из ее старого хвоста сооружают новую голову.

Михаэль Гарбер, «Мысли для узкого круга»

В ссылке Давид шил солдатское обмундирование, благодаря чему семья смогла прокормиться и выжить в Илецкой грязи. Более того, 1 июня 1943 года родился мой отец Михаэль. И тут им всем опять повезло: в 1944-м в Румынии победил пролетарский режим. Поэтому Венгрию с Чехословакией СССР отвоевывал у Гитлера уже вместе с румынами, которые из врагов стали друзьями. И в 1945 году, когда война закончилась, ссыльным евреям с румынами ради праздника Победы разрешили вернуться по домам – и Гарберы поехали в Кишинев, где мой отец провел сознательное детство и юность.

Время было смутное. В 1948 году в СССР прошла кампания по борьбе с космополитизмом, имевшая сильную антиеврейскую направленность. В течение двух лет в стране были закрыты все еврейские театры, школы и периодические издания на идише, научно-исследовательские учреждения и педагогические вузы со сколько-нибудь «еврейским уклоном». В 1952 казнили тринадцать подсудимых, среди которых было несколько крупных литераторов-евреев. В 1953 году в Москве прогремело «Дело врачей», по которому арестовали в основном тоже евреев: они обвинялись в сионистском заговоре с целью убийства Сталина и прочих руководителей партии.

Перед смертью Сталина в Москве и других больших городах заходили слухи о готовящихся массовых репрессиях евреев, о планах выселения их в Сибирь или, напротив,

в Израиль. В эти годы евреев перестали рассматривать как «советскую» и «коренную» национальность, поэтому с пятым пунктом стало сложнее поступить в хороший вуз – в одних для евреев ввели процентную норму, в другие просто не брали. Евреи не допускались на партийные должности выше среднего уровня и на высшие государственные посты.

После 20 съезда КПСС власть в отношении евреев сменила стиль, но не отношение: Хрущев провел кампанию против экономических преступлений, имевшую антисемитский оттенок, и на партсобраниях широко цитировалась его фраза «львовские жидаы обнаглели». В начале 1960-х в рамках антирелигиозной кампании власти закрыли большинство оставшихся в СССР синагог. При этом на официальном уровне антисемитизм неизменно осуждался.

Несмотря на общий негативный фон, для Гарберов жизнь облегчалась дальностью Кишинева от Москвы: в Молдавии тех лет восстановление хозяйства и привыкание к советской власти было куда как важнее, чем отношения с евреями. Так что до семьи провинциального портного антисемитские тенденции доходили изрядно ослабленными. И жить, как я понимаю, было можно. Они и жили.

У моего отца были в детстве подозрения на проблемы с сердцем, поэтому он активно занялся спортом. В 1961 году успешно окончил школу. В то время страна переходила от 11-летнего обучения к 10-летнему, поэтому в одних местах школьники учились на год дольше, чем в других. Отец закончил 11-летку. Ему стукнуло 18 лет, и на романтической волне он поехал поступать в Ленинградскую Военно-морскую академию. Но когда в процессе экзаменов увидел, как там ставят под ружье и командуют, передумал. Дух свободолобия перевесил, он попробовал забрать документы, а ему в ответ – отдадим только по медицинским показаниям. Михаэль написал своему отцу, у которого было плохо с почками, и тот прислал с проводником свою мочу. Сын сдал анализы отца вместо собственных, комиссия списала абитуриента как непригодного, он забрал документы и вернулся домой.

Университет

Человек, что бы он ни говорил, стремится к замкнутой философской системе. Пока он в нее верит – он способен к творчеству жизни.

Человек должен искать опасность, иначе опасность найдет его.

Жизнь – это амбиция.

Изучать людей как способ изучать себя.

Дружба основана на трех принципах: интегральном равенстве обмена, его разнородности, разномасштабности отношения к элементам обмена. Неинтересные люди – это те, у которых нечего взять.

Человеку надо знать ровно столько, чтобы это не мешало ему жить.

Михаэль Гарбер, «Мысли для узкого круга»

Через год отец поступил на мехмат, на отделение механики. Готовился в МГУ сам, без репетиторов, да еще с пониманием, что будет там старше всех на год или два, а в 19 лет это имеет значение. Помогала ему только Хрущовская оттепель – в те годы на мехмате сильно ослабили ограничения по пятому пункту, и евреи смогли туда поступать.

Университетские друзья моего отца описывают его как человека активного, открытого жизни и легко сходящегося с людьми. Звали его, конечно, Мишей, а не Михаэлем. Знакомых у него было много, отчасти из-за общежитской жизни, но еще и ввиду разнообразия интересов. Кроме спорта и учебы, отец пробовал себя в роли организатора и даже входил какое-то время в комсомольский комитет МГУ – наверное, по спортивной части. В людях любил необычные сочетания – например, в числе его друзей был

профессорский сын и одновременно культурист по кличке «Володя-шкаф», который не мог почесать затылок из-за избытка мускулатуры.

Еще отец умел рано замечать талант в человеке: например, первым заметил и оценил своего незаметного однокурсника – увальню Гришу Маргулиса, будущего лауреата Филдсовской премии, эквивалента Нобелевской по математике. Отец сразу сказал друзьям – о Грише мы еще услышим, он особенный.

Для меня самым удачным интуитивным прозрением отца стала его дружба с однокурсником Яшей, впоследствии – специалистом по работе мозга. Именно Яша нашел меня по Интернету на мое сорокалетие: догадался попросить свою дочку ввести в поисковике мою и отцовскую фамилии, и нашел страничку моего сайта со стихотворением «Воссоединение», посвященным отцу – тем самым, что стоит эпитафией к этой повести. Название оказалось пророческим.

На той страничке был электронный адрес, по которому Яша связался со мной и прислал отцовскую повесть «Мысли для узкого круга» с эпитафией обо мне: «Если бы мир был милой лужайкой, а жизнь – веселым пикником, я бы хотел быть маленькой девочкой в платьице колокольчиком...». Затем мы с Яшей встретились, он рассказал историю отца, а потом вывел на других людей, которые тоже любили Мишу Гарбера.

К тому моменту я впустую искала отца уже лет двадцать, и все попытки волшебным образом заканчивались ничем. Я чувствовала себя астрономом, безответно посылающим сигналы внеземным цивилизациям, но не могла остановиться, как не может прервать свои поиски человек, влюбленный в космос. Поэтому, когда отклик вдруг пришел, а потом друзья отца начали писать и звонить мне из разных концов Москвы и из различных стран мира, я слушала их голоса, как слушает астроном звуки Вселенной. Некоторые люди оказались в двух шагах, на расстоянии пары остановок метро или нескольких остановок троллейбуса. Боже мой, как все это было невозможно близко все эти годы. И как невыносимо далеко...

Свой старый сайт я после этого закрыла – мне ведь больше не было нужды тоскливо слать позывные в открытый космос: разумные существа с других планет наконец-то отозвались. Теперь можно общаться напрямую, потому что все они – здесь.

Яша подружился с отцом на первом курсе. Говорит, что мужчин Миша привлекал внутренней силой, честностью и склонностью к риску. Отец чем-то напоминал Джека Лондона и Высоцкого – «его легко было представить в героическом путешествии по диким краям», вспоминает Яша. Посмотрели, например, детектив. Яша говорит: «фильм – мусор», а отец в ответ – сказка плохая, зато там настоящие мужчины.

Слегка ковбойский образ «настоящего мужчины» был для отца жизненным ориентиром. Он был человек гордый, да еще любил резать правду-матку. Так что в университете и позднее, на работе, с чужими людьми у него отношения складывались непросто. Занятно, что при всей своей общительности отец не быстро раскрывался перед чужими людьми. Однако с друзьями был добр, верен и надежен, умел поддержать в трудную минуту.

Односторонним фанатиком своей специальности отец не был, но учился прилично и стал профессионалом в своей области. Очень любил спорт: занимался классической борьбой и особенно – штангой, и был практически культуристом, что нетипично для мехмата. Саша – друг отца по мехмату, ныне живущий в США, – говорит, что отец и к профессии относился спортивно: сказал–собрался–сделал. Вообще, похоже, на то, что любя, отец тратил сердце, душу и волю целиком.

К живописи был равнодушен, но любил парадоксальные приложения математики, посему был вхож в дом будущего известного тополога, у которого тогда впервые увидел картины Эшера, присланные самим автором. Кино не очень жаловал, однако пересказы фильмов слушал охотно, а идеи и цитаты использовал потом в ночных дискуссиях, которыми была полна студенческая жизнь.

Очень интересовался литературой, на последних курсах даже пытался писать, хотя напечататься в то время было уже невозможно – оттепель кончилась. У друзей осталась пара рассказов, из которых друг отца по аспирантуре Витя запомнил фразу «уплыл причал». Емкая метафора жизненного сдвига, ничего не скажешь.

Еще отца интересовала философия. Фрейд, Ницше, Бергсона и Шопенгауэра он и его друзья активно читали вместе, правдами и неправдами проникая в библиотеку гуманитарных корпусов на Моховой. Один из центральных отцовских постулатов тех лет – «природа коварна»: он считал, что даже когда человеку кажется, будто он поступает «против правил», он всего лишь действует по правилам, коих не ощущает, и продолжает оставаться рабом природы. Может, поэтому отец любил наблюдать азартные развлечения. Но не карты, популярные на мехмате, а более «горячий» ипподром: на старших курсах отец работал там помощником букмекера, собирал ставки, хотя сам игроком, похоже, не был. Видимо, наблюдение страстей было ему интересней.

Красотой отец не блистал – на фото времен поездки на Целину после первого курса он выглядит неказисто – уши торчат, рубашка топорщится. Хотя меня бы он заинтересовал, в нем виден характер. Кроме того, для городской жизни его отец-портной шил ему хорошие костюмы по спортивной фигуре, так что, в общем, Миша на фоне московских стилист выглядел достойно.

Его знакомая по имени Наташа, дружившая с отцом с последних курсов МГУ, помнит: он брал тем, что был невероятно добр, интересен, широк и общителен. У Натальи в то время был роман с будущим мужем Петей, а мой отец был его приятелем. Паре понравилась нетривиальность отцовского мышления, интересный взгляд на жизнь, импонировала надежность – было ясно, что не предаст, не настучит и не станет ради карьеры идти по головам.

Яша говорит, что женщин отец вообще привлекал мужественностью, ибо мог постоять за себя и за человека, которым дорожил, был смел и шел лицом на опасность. Кроме того, отец «гусарил». Во-первых, грассировал от природы, а во-вторых, умел создавать образ: например, во время студенческих поездок на Целину носил топор за голенищем. Короче, отец умел играть – в лучшем смысле этого слова, то есть оживлять течение событий.

Роман

Крайняя самоуверенность – крайний протест против извечного чувства Страх.
Для чего нужна мужчине пальма первенства? Не для того ли, чтоб ее оцупала
женщина?

Заблуждение считать взаимное согласие счастливой любовью. Предвзвешенность, который сильнее опыта, сильнее статистики. Нет победы без сопротивления, так нет и любви без преодоления. Различие желаний составляет основу любви. Течение любви наполнено поисками компромиссных решений. Противоречие – источник развития.

Михаэль Гарбер, «Мысли для узкого круга»

С моей матерью – москвичкой, дочерью профессора и интеллектуалкой, отец познакомился после первого курса на той самой Целине. На природе она его оценила: он поднимал ее одной рукой и носил на плече. Выяснив, что мать с кем-то встречается, отец собирался побить соперника. Его друзья – интеллигенты Яша и Саша – сказали «как же так?!», и получили ответ, что кишиневская шпана всегда так поступает. Но поскольку в чужой монастырь со своим уставом не ходят, мордобоя, насколько я поняла, отец все-таки тогда не учинил. Видимо, решил положиться на свое ковбойское обаяние.

Сработало. На Целине у них с матерью начался роман, длившийся до конца университета. Отношения были сложные и конфликтные. Мишины взгляды и мышление, которые его друзьям казались интересным и оригинальным, моя мать считала невежественными и претенциозными. Отец мой, надо сказать, тоже умел быть

категоричным. Яша рассказал мне, что их общий приятель подарил жене юбку, а та отказалась ее носить. Приятель отнес юбку в магазин и с трудом – тогда возврат был делом необычным – сдал. Когда отцу рассказали эту историю, он прокомментировал: «Если бы я купил своей жене юбку, она бы ее носила».

Похоже, для моих родителей в те годы главным в отношениях был вопрос о первенстве – и никто не хотел уступать. Идеи такие идут, конечно, из семьи – а в обеих семьях был домострой. Бабушка моя была домохозяйкой, чей мир полностью вертелся вокруг деда. У нее самой был сильный и жесткий характер, с матерью моей она обращалась сурово. Поэтому в юности родительница моя решила домостроевскую традицию изменить – и пусть мир завертится вокруг нее самой! Она преуспела в самоутверждении среди сверстников, освоила мужскую хватку, но в отношениях с отцом создала изрядные сложности: он был готов к уступкам, но не к полной потере мужской роли в семье.

Семейные правила Гарберов тоже были вполне домостроевскими, однако отношения с родителями у отца были хорошие. Он ездил на каникулы домой, а в течение семестра частенько получал из дому в посылках вино и еду. Гурманские бутылочки вин «Негру де Пуркар», «Романэшты» и «Лидии» помнят многие, потому что отец посылками активно делился. Хотя жили Гарберы небогато.

В годы учебы родители навещали отца не часто – друзья вспомнили только один визит: Давид Гарбер с женой зашел в общежитскую комнату и спросил «А что это у вас тут так скучно-то? Нужно, чтобы было немножко весело». Народ ему что-то ответил, они поговорили, но жена при муже все время молчала. Во-первых, как теперь понятно, она не очень хорошо говорила по-русски. Во-вторых, после Илецкой ссылки она вообще не была склона много разговаривать. И, наконец, в главных, – в семье Гарберов был домострой.

Отцовский друг Витя попал в 1969 году на конференцию в Кишинев. Говорит, зашли мы с Мишей к Гарберам домой: Давид показался мне человеком очень спокойным и уравновешенным, а мать семейства не запомнилась. В общем, в этой семье женщина умела быть незаметной. Чего не скажешь про мою мать.

На последнем курсе университета к этой сложности в отношениях моих родителей добавилось ухудшение международной обстановки. Израиль провел успешную шестидневную войну с арабскими странами, которые поддерживал СССР. После этого в России усилилась антисемитская кампания, а у евреев возникли сложности с работой – их стали хуже принимать на работу в стратегические институты, в Академию наук и «ящики», где были деньги и статус. Горизонт выживания сузился. В ответ семиты активно начали обсуждать варианты эмиграции на историческую родину. Отец в разговорах участвовал, но сильно идеей отъезда не горел, хотя предполагал, что все может быть. Однако мать моя была русская и никуда ехать не собиралась, так что у него были разнообразные «за» и «против». Кроме того, в 1967 году идея выехать из СССР для обычного человека была еще виртуальной.

Брак

Разврат это, когда женщина не может без мужчины и спит с ним. Брак – это когда женщина может и без мужчины, но спит с ним. Брак – только тогда, когда вы можете обойтись и без него. Мужчина женится в ослабленном состоянии духа.

Он понимал, что находится уже в конце своего долгого пути. И дорога привела Его к узкой щели, вырубленной в скале. Он пошел по неровным ступеням крутого извилистого хода. Он шел. И попал в громадную, тускло освещенную залу. Остановился. Огонь светильников казался мертвым, а паутина облепила рубленные каменные стены. Во всю длину залы тянулся темный дубовый стол, за которым сидели Они, конечно, во фраках.

– Я пришел, – сказал Он.

– Да, ты пришел. И что же? – ответили Они.

Предвзятость стремится реализовать себя, заранее подготавливая логические опровержения возможным доводам. Она настолько увязает в логике, что легче всего обезоружить ее крайней нелогичностью. Осмысливая нелогичный довод, предвзятость сама внесет логику в него. И будет искать опровержение своей же логике. Бороться сама с собой. Остается только пожелать ей успеха.

Более всего человек борется не против того, с чем он не согласен, а против того, чего он не понимает. Берегитесь этого... в себе!

Не следует делать революцию в чужом доме. От этого вы не станете к нему ближе. Тем более – жалкая роль – в стане недоброжелателей привести одну из группировок к власти. Вас все равно не полюбят, так что храните свой крест.

Юмор утверждает Бесцельность и Бессмысленность Бытия. Утверждение Бесцельности и Бессмысленности Бытия болезненно спрятано в глубине бессознательного. Если это так, то юмор – способ раскрепощения психики.

Михаэль Гарбер, «Мысли для узкого круга»

Несмотря на сложные отношения, по окончании МГУ мои родители решили пожениться, ибо иначе отца распределили бы в Кишинев и отношения прервались. Свадьба состоялась весной 1967 года. Поездку к Мишиным предкам, которую молодые предприняли перед бракосочетанием, мать помнит как мучительную – кишиневская родня и ее «домостроевский и провинциальный» уклад жизни невесте совершенно не понравились.

Родители моей матери тоже были против этого брака – провинциал, не интеллект, чужак с характером. Кроме того, тогда иногородний человек мог осесть в Москве, только получив постоянную прописку, а прописку эту мог обрести, только женившись. Так что ужас перед иногородними супругами, которые могут прописаться и оттяпать квартиру, был у москвичей повсеместным.

В итоге, насколько я поняла, на свадьбе родителей ни с одной из сторон не было.

Однако брак состоялся, и молодожены поселились в московской профессорской квартире в центре города, вместе с родителями моей матери. Теща с тестем Мишу не жаловали, но лето прожили на даче, так что пару месяцев мать с отцом могли побыть наедине. В августе они сделали меня, однако к сентябрю дед с бабушкой вернулись с дачи, и тут отношения зятя с новой семьей стали рушиться как карточный домик.

По рассказам Наташи, мои дед и мать демонстративно Мишу презирали. Отец имел иной кругозор, чем московские интеллектуалы, составлявшие круг их общения. Мать любит рассказывать, как он заявил, что при желании может рисовать, как Да Винчи и писать, как Толстой. Гусарство, конечно. Но мать восприняла это серьезно, а, кроме того, побоялась, что Миша опозорит ее перед друзьями, демонстрируя неуместные амбиции. Так что она, вероятно, не однажды указывала ему на скудный масштаб его дарований на фоне ее любимых авторитетов.

Просвещенный москвич, ныне заслуженный артист РФ и друг отца по аспирантуре Витя фанаберии этой не увидал. Говорит, что отец свое место в мироздании понимал, был человеком здравым. Я думаю, у моих родителей был конфликт на почве страха перед иным – иным взглядом, иным миром, который каждый из них представлял для другого. Говорят же, что ад – это другие. Отец и мать были из очень разной среды. Им предстояло либо старательно притираться, проявляя взаимную терпимость, либо разбежаться. Они попробовали жить совместно, но им не хватило ресурсов для строительства отношений. Так что вышла у них только я.

Во время жизни «в примаках» завтрак для Миши начинался с того, что дед и мать открывали газеты и начинали друг с другом говорить о политике, не замечая отца или перерывая его, если он пытался встроиться в разговор. Отец мой к политической жизни был безразличен, так что быстро попытки общения на эту тему прекратил, что накалило ситуацию еще больше. Отец как-то пришел с другом Сашей. Тот вспоминает, что общение

с хозяевами вышло странное: дед мой отрывисто кидал фразу и уходил в другую комнату, в дискуссии не вступал. Возможности выразить и обсудить свою позицию в этом разговоре не было никакой, печально сказал добрый и мягкий Саша.

Я знаю, что дед мой по матери был серьезным ученым, ум имел быстрый и недюжинный, харизму изрядную, а авторитет в семье огромный. Взгляды имел вполне демократические, но действительно со многими людьми ему было скучно, а дом свой он рассматривал как личные тылы и заслуженное место отдыха. И тратить на нелюбимого зятя и его друзей не хотел. Однако для истории моих родителей важнее то, что моя мать всегда недополучала поддержки от занятого деда. Пока тот был на работе, суровая бабка моя сильно тиранила дочь, а когда дед приходил, говорить об обидах мать, похоже, не решалась.

Выйдя замуж за моего отца, она получила козырь. Не желая делить с другим мужчиной своих женщин и территорию, дед, отстаивая свое главенство, стал обращать на мать внимание, которого она раньше была лишена. Наконец весь дом завертелся вокруг нее, но платой оказалось разрушение брака. Обнаружив характер давления, Миша постепенно прекратил попытки вписаться в новую семью.

Интересно, что приятельница отца Наталья в те же годы прошла похожий сценарий с противоположным финалом. Она москвичка, ее муж Петя – провинциал. Ее жесткий образованный москвич-отец тоже отверг инакомыслящего и инородного зятя. В ответ Наталья при первой возможности ушла от родителей к мужу в общежитие. С тех пор родила троих детей, и сохранила семью по сей день.

А моя мать к сентябрю 1967 года поняла, что беременна мной, и тут же решила разводиться. Очень хотела девочку. Отец мой тоже очень хотел девочку, и, прямо как Рэт Батлер, мечтал меня одевать и баловать. Однако отношения с семьей жены накалились к тому времени до предела. Миша, например, как-то увидел, что бабушка моя взобралась на подоконник мыть стекла. Он сказал ей «осторожно, не упадите», после чего теща всем сообщала, что зять хотел столкнуть ее с пятого этажа.

Неминуемый уход отца произошел не позднее октября 1967 года. По словам Натальи, к моей матери Миша все равно относился нежно, и дурного он о ней не говорил, хотя поговаривают, что в конфликтах мать терзала его намеками, что ребенок не его. Теперь я насколько похожа на отца, что сомнений в родстве нет никаких, но тогда отцовский друг Витя хорошо запомнил любимый анекдот Миши: «В английский клуб рога носцев принимают нового члена. Условие клуба – неопровержимые доказательства измены жены. Дженгельмен говорит, что его поместье огорожено высокой стеной, а верные слуги, чьи предки служили его семье последние 300 лет, утверждают, что жена чиста и невинна. «И все-таки, я сомневаюсь...» – добавляет мужчина. Его единогласно принимают в клуб».

Развод

Умение создавать себе препятствия в жизни не менее важно, чем умение их преодолевать.

Нельзя пройти и не запятнать, нельзя пройти и не запятнаться.

Лучшими своими мыслями мы обязаны худшим состояниям.

Всякая философия рождается в поисках путей удовлетворения эгоизма. И начинается с очистки поля деятельности от обломков старого оружия. Перебрав возможное оружие, вы находите то, которое вам больше по вкусу, и становитесь философом «школы». Оригинальный философ не находит его и мастерит сам.

Препятствие делит людей на две категории: одни, чтобы преодолеть его, работают над собой, другие – над препятствием. Интро- и экстраверсия.

Михаэль Гарбер, «Мысли для узкого круга»

В итоге осенью 1967 года мой отец уже съехал от моей матери и поступил в аспирантуру Института физики Земли, где стал также и работать. В аспирантуре он занимался теорией откосов – то есть тем, как надо удерживать дорогу, чтобы по ней можно было ехать. Руководителем диссертации у него был симпатичный восточный человек по фамилии, кажется, Рахматуллин. Тема отца занимала, и его научный труд по динамике грунта в то время быстро продвигался. Подрабатывал отец, в числе прочего, репетиторством – с детьми у него получалось.

Аспирантура дала ему временную прописку и право остаться в Москве. Он снял комнату в коммуналке на Чистых прудах, около театра «Современник», потом – у Покровских ворот, а еще через какое-то время – на Мосфильмовской улице. Тогда съемные квартиры были примитивны – кровать, стол, табурет, плита, туалет в старой неотреставрированной комнате или квартире. Отец любил комфорт, и его эта жизнь унижала. Впрочем, он все годы в Москве жил либо бедно – в общежитии и на съемных квартирах, либо некомфортно – у родителей жены. Так что разрыв между любовью к хорошей жизни и бытовой реальностью преследовал его все время.

Он решал эту проблему по-гусарски: Наташа с мужем зашла как-то в гости и отметила, что холостяцкое жилье содержится в чистоте, хотя на столе остатки еды. Отец заметил ее взгляд, взял веник, смел еду на совок прямо со стола – и выкинул за окно.

В остальном отец хорошо адаптировался: его друг Саша, тоже выходец из провинции, в те годы не однажды удивлялся Мишиному знанию московского быта. Отец не только знал, где, что и почему покупать, но как франт, был даже знаком с хорошими московскими портными. Так что, когда Саше понадобился приличный костюм, сшил он его у отцовских знакомых.

В периоды между съемом комнат отец в те годы наездами жил в квартире Пети и Натальи, которые уже обзавелись московским жильем и охотно давали кров многочисленным друзьям. Миша был легкий гость: интересно, живо, с большим умом и юмором – «прямо как Андроников!», смеется Наталья, – рассказывал истории, имитируя выговор и интонации персонажей. Новеллы у него были на любые темы – о друзьях, знакомых, Кишиневском детстве и обо всем на свете. Однажды отец рассказал им о друге, который протанцевал много лет в ансамбле народного танца «Жок», а когда вышел на пенсию, стал «работать улыбкой»: в конце танца выскакивал вперед и обворожительным сиянием зубов ставил точку в представлении.

Временами Миша вел себя парадоксально. Однажды по дороге на соревнования приехал к Пете с Натальей варить курицу – для состязаний нужно было срочно набрать вес, и почему-то он решил набрать его в гостях. В другой раз, когда отец временно жил у них, Наталья приболела, а Петя куда-то ушел. Женщина вызвала врача, незнакомого человека. Врач вышел после осмотра больной и говорит Мише: «Вашей жене надо сделать обследование». А отец отвечает: «Она мне не жена!». Врач опешил, а Наташа шепчет отцу: «Ну, Миш, ну что, ты не мог промолчать, что ли?!». «Не мог», – говорит, и сам смеется. Прямой очень был.

За время дружбы у этой пары с моим отцом была всего одна размолвка. Наташа была в положении, хлопот у семьи стало больше, а гостей осталось столько же. Мой отец как-то позвонил, можно ли приехать в гости. Наташа согласилась, трубку положила, да тут Петр сорвался – «вот, уже дома и отдохнуть нельзя, не нужны нам сегодня гости!» Наталья бросилась звонить, отменять визит, а отец уже ушел. Она написала на двери записку, что, мол, нас нету, извини. Отец записку прочел, ушел и год с друзьями не разговаривал. Но потом они встретились где-то случайно, отношения снова наладились и уже до его эмиграции не рвались.

Меж тем весной 1968 года родилась я. Мать с отцом, похоже, перед этим снова повздорили, дед с бабушкой тоже втянулись в конфликт, и у деда накануне моего рождения случился инфаркт. Мать переживала, рожала меня аж двое суток, и чуть пуповиной не удушила. Но обошлось.

К моему рождению отец написал философскую книгу, фрагменты из которой стоят эпиграфами к этой истории, и сдал первый взнос на кооперативную квартиру в Москве. Деньги он зарабатывал, а еще, возможно, брал займы – у него был родственник, повар в хорошем московском ресторане, то по тем временам состоятельный человек с причудами: у него был диван, сделанный под заказ, со встроенным в ручку аквариумом.

У этого богача Петя с Натальей под поручительство отца занимали деньги на новую мебель, так что и отец мог у него, наверное, занять на собственное жилье. Отцовский друг Витя тогда же вступил в этот кооператив, и по сей день живет в этой высотке на последнем этаже. Рядом лес, квартирка маленькая, уютная, мне там нравится – я бы хотела провести там свое детство.

Зарабатывая на свое жилье, отец надеялся, что на отдельной территории сможет жить с моей матерью и мной, и отношения наладятся. Он был человеком гордым и унижений не терпел, потому и ушел из «примаков», но от ребенка и жены отказываться не хотел. За дедову квартиру не держался, но в те годы для получения кооперативного жилья в Москве нужна была московская прописка, поэтому до момента покупки недвижимости регистрация в квартире жены Мише была нужна.

Однако у моей матери были свои планы. Как только подошел срок оформления документов на отцовский кооператив, она начала процесс о выселении отца с профессорской жилплощади. Выписать с московской территории в те годы было можно только доказав, что человек не живет по месту прописки более полугода. Мать привела некую свидетельницу, которая потрясла друзей отца тезисом «я ждала в этой квартире ответчика ночами, а он не приходил». Отца выписали из дедовой квартиры. Отцовский друг Саша, присутствовавший на суде, считает, что отец мой гибкости, конечно, не проявил, но и скандала не учинял, а поведение матери выглядело чрезмерно жестким и категоричным. Мать всегда рассказывала, что Миша в то время грозился профессорскую квартиру разменять. Правды сейчас уже не узнать, но битва тогда была суровой.

После этого суда у отца «накрылся» кооператив и возможность закрепиться в Москве. Динамика грунта, коей была посвящена его диссертация, под его собственной жизнью пошла такая, что разрушила воздушные замки надежд. Наверное, после срыва кооператива у родителей был серьезный конфликт, и они снова наговорили друг другу гадостей.

Следующим судом мать развелась с отцом. Мать рассказывает, что на этом суде отец заявил «квартира моя, ребенок не мой» и привел женщину-судью в шок. Саша вспомнил, что вся процедура длилась несколько минут, в течение которых отца выставили жутким злодеем, высказаться не дали, и судья походя приняла решение запретить отцу видеться с дочерью без ведома матери. Учитывая, что мать наняла очень опытную и коммуникабельную адвокатессу, которая готова была отца «услать в Сибирь», не исключено, что все было решено заранее. Правды теперь, опять же, не узнать, но спасибо матери, что на высылку Миши в Сибирь она не согласилась.

Отрыв

То, что называется спором, есть просто органическая непримиримость конституций. Моя воля проста – брать то, что мне нужно и не давать того, чего не хочу.

Что ж. Надо убедить тех, кто с этим еще не согласен.

Для этого нужна партия. Я стал вербовать ее из читателей – стал писать. Пусть решительное большинство или влиятельное меньшинство заставит своим мнением считаться со мной (самому мне это не удалось) тех, кто не дает мне того, что мне нужно, и тех, кто требует от меня того, что я не хочу им давать.

Мне надоело выживать. Я жить хочу!

Человек не колеблется при принятии решения. Решение уже принято. «Колебания» – процесс подбора аргументов в пользу принятого решения.
Михаэль Гарбер «Мысли для узкого круга»

После развода отец, по словам Яши, сильно переживал утрату ребенка. Суд дал ему право встречаться со мной под жестким контролем матери, и поначалу отец приходил гулять. Из-за контроля моей матери общение было мучительным, но он пробовал еще и еще раз. Мать говорит, он пытался общаться с ней, а не со мной. Это понятно – не договорившись с ней, меня он лишился. Каждый раз прогулка, видимо, становилась все тяжелее, и вскоре он видется со мной перестал.

Возможно, на решение отца повлияла и смерть его спортивного друга: Володя-«шкаф» пошел с женой в кино, там с ним случился сердечный приступ, и он скоропостижно умер. Качку Володе было лет тридцать с небольшим. Отец, вероятно, вспомнил про подозрения врачей на собственные проблемы с сердцем, и понял, насколько устал от битв с моей матерью. А может, просто кончилось терпение. И он оставил попытки общения.

Женщин, интересующихся отцом, по словам друзей, всегда было много, и отношения с ними у него после разрыва с моей матерью были – и дружеские, и любовные. Когда накрылся кооператив и вернулись деньги, отец сделал операцию и прижал свои прежде оттопыренные уши. Пришел к Наталье и Пете, те удивились – «зачем?», а он в ответ рассмеялся: «Если б вы знали, сколько я девушек пропустил из-за этих ушей». Следующим шагом отец поправил себе кривую носовую перегородку. Его друг Витя, у которого была такая же проблема, после операции спросил – больно ли. Отец сказал (жалая друга), что рассказывать не будет, Витя поглядел на его лицо и от операции отказался.

При всем своем гусарстве, отец был человек чести – если женщину не любил, ситуацией не пользовался. У Натальи была подруга, девочка лет 18, дочь председателя КГБ одной из восточных республик. Она познакомилась с Мишей и «запала» на него. Женись он на ней – и московская квартира со всеми благами мира были бы у него в момент, но отец барышню не любил, потому только брал у девочки редкие книги почитать и никаких романтических шагов в ее сторону не делал.

В Москве Мишу в те годы держали друзья, аспирантура и работа. В 1971 году у него внезапно умер научный руководитель, дальнейший карьерный рост и защита сильно затруднились. Кроме того, аспирантура давала прописку, а работа – нет, поэтому оставаться в Москве отец больше не мог. В этот момент кому-то из друзей удалось эмигрировать – и отца захватила идея отъезда на историческую родину. Витя говорит, что это был больше дух авантюризма, чем жест отчаяния. Просто Мишу, освобожденного от связей, потянуло в сторону новой, прежде нереальной, а теперь наконец достижимой жизни.

Эмигрантов легче отпускали с окраин империи. Отец возвратился в Кишинев, где нашел сильные промолдавские и антисемитские настроения. Это усилило общее чемоданное настроение – и Гарберы все втроем подали документы на выезд. Достойной работы после этого отцу никто бы не дал, а между тем для отъезда он должен был оплатить мои алименты до 18 лет и подписать у матери документ о согласии на его эмиграцию. Наташа говорит, алименты на меня он заработал на ипподроме.

Ценой своего согласия на отъезд мать назначила подпись отца под бумагой об отречении от меня. Он подписал восемь пунктов о том, что я больше не ношу его имя и фамилию, ничего от него не получу и никогда с ним не увижусь.

Так и вышло. Когда в 30 лет бои с матерью за информацию об отце, наконец, увенчались успехом, я увидела то самое письмо об отречении и фотокарточку, где качок лет 20 стоит с голым торсом перед каким-то домом – видимо, в Кишиневе. На обороте надпись: «Вот какой я был здоровенький, пока не ослабел». Еще пара писем, которые мать в руки не дала. В одном Миша пишет ей какие-то теплые слова. В другом – Гарберы

поздравляют невестку с бракосочетанием и свекровь дает ей свои домостроевские наставления о семейной жизни. Письмо подписано «мама и папа», что и было последней каплей в отношениях моей матери с родителями мужа – имея изрядные проблемы с собственными предками, она ужаснулась идее получить второй комплект еще более чуждых ей родителей. И вот теперь напряженные отношения матери с семейством Гарберов прервались.

По Наташиным словам, мое последнее свидание с отцом было перед его отъездом, в 1972 году, и после этой встречи он сказал ей: «Что бы там ни было, это моя девочка, и она всегда будет меня любить». Угадал. Любила, но скрывала даже от себя – семья матери была настроена так, что даже имя отца и факт его существования не упоминались. Как будто у меня просто не было отца, и все. Напряжение вокруг его фигуры было такое, что я даже не спрашивала. Вроде как у всех детей есть папы, даже и в прошлом, а мне – не положено.

Скрытая любовь дорого дается: после отъезда отца, с четырех лет, волнуясь, я не могла до конца вдохнуть, а после известия о его смерти у меня началась астма. Все-таки странно, что, рассчитывая на мою любовь, даже после своей смерти Миша мне не оставил хотя бы письма с парой добрых слов на память. Может, считал, что этим письмом была повесть, может, оставил написание письма на потом, а умер внезапно, а может, просто отрезал меня вместе со своей российской историей. Не знаю...

Но знаю, что в 1972 году, расплатившись с моей матерью алиментами и отречением от меня, он вышел на финишную прямую эмиграции. Для этого отцу надо было, кроме всего прочего: купить дымковскую игрушку, чтобы продать ее в Вене и получить хоть какие-то деньги на первое время, ибо деньгами можно было вывозить не больше 50 долларов; сдать на права, потому что в Израиле без машины сложно; вылечить зубы, потому что в Израиле это дорого; и переписать записную книжку латиницей, потому что запрещалось вывозить любые тексты на русском языке. Кафка, да и только.

Представление о том, куда они едут, у израильских эмигрантов того времени было смутное – рай, земля предков, не будет советской давилки, но что будет – неясно. Там неизвестность была полная, а здесь все отрезалось. Вывозить бумаги и документы было нельзя, посему свою философскую повесть отец оставил Яше в надежде, что тот ее перепечатает, и передаст через Голландское посольство отцу в Израиль. Яша вскоре так и сделал, но текст до отца не дошел.

Отец уехал в Израиль вместе с родителями летом 1972 года, когда перед приездом Никсона СССР выпустил массу евреев в надежде умаслить Штаты ради каких-то международных договоров. Тем же летом из России уехал Бродский – в его интервью Соломону Волкову атмосфера тягостной эмиграции тех лет описана вполне: уехать тогда означало умереть для близких и друзей в этой стране навсегда.

На проводы в Москве отец привез на квартиру кого-то из друзей канистру вина – и пил, как говорит Наташа, два прощальных дня беспробудно. Потом улетел в Кишинев к родителям. Уезжали Гарберы поездом через Брест – отец с границы тогда прислал Вите прощальную записку.

Волею судьбы вскоре после этого, в ноябре 1972 года умер мой дед, главный семейный оппонент отца. Однако разрыв матери и отца был к тому времени уже совершенно необратимым.

Уплыл причал.

Эмиграция

Мы так стремимся к Цели, что явление Ее делает нас безразличными к Ней. Так свобода, столь желанная узникам, будучи достигнута, становится ему безразлична, и обесценивается по сравнению с дорогой к ней. Скорее же всего мы не поверим в Нее.

Есть три рода мужества.

Мужество, чтобы перейти через канаву «не хочу».

Мужество, чтобы перешагнуть через овраг «не могу».

И мужество не сворачивать с дороги «хочу и могу» – мужество зрелости, если к тому времени еще остаются желания и силы идти, и вы не ляжете на полотно этой дороги, чтобы, по крайней мере, не свернуть с нее. Чтобы, лежа на спине, писать пальцем по чистой голубой доске неба историю своего «хочу». Писать, пока за вами не придут санитары, чтобы помочь добраться до того места, где вам будет кому эту историю рассказать.

Если все в воле Божьей, то нет понятия «не дано».

Ибо, что дано – благо, и что не дано – благо. Ибо все дано Богом – и благо.

Михаэль Гарбер «Мысли для узкого круга»

Про жизнь отца в Израиле я знаю со слов его друга Яши, которому отец писал после отъезда.

Первые полгода иммигрантам давали пособие и учили на курсах ивриту, потом надо было искать работу. Вначале отец был в эйфории, ибо отношение израильского государства на фоне советского было вдохновляющим. Отец писал Яше, что надо ехать, потому что здесь родина и все прекрасно. Потом поселился в Хайфе, долго искал работу, видимо, тяготился этим, перестал писать.

Со временем он нашел себе службу, преподавал в престижном Технионе. В 1974 году женился на эмигрантке – медике из советской Прибалтики. Я говорила с ней всего однажды – после того, как Яша нашел меня, друзья отца четыре месяца уламывали мачеху на переговоры, хотя все, что я хотела, это узнать место могилы отца. Когда эта женщина согласилась на телефонный звонок, я пожалела, что набрала ее номер: все перед ней виноваты, все ей должны, все недодали. Прошло еще пару месяцев, и она, наконец, прислала через посредника адрес могилы. Однако к тому моменту для меня все важное в истории с отцом уже стало ясно, и ехать на могилу расхотелось.

Зато когда круг живых отцовских знакомцев обрисовался полностью, выяснилось, что он содержит одного из ближайших приятелей моей матери. Все эти годы человек был вхож в дом, и все эти годы он был в курсе событий отцовской жизни. И мать, соответственно, тоже. Им просто было удобно не давать информацию мне.

Что ж, теперь и я достаточно знаю обо всей этой истории. И с меня хватит. Я хочу жить своей жизнью, дыша легко и свободно.

Кажется мне, что мы с отцом легких путей в этой жизни не искали – видать, отработывали какую-то карму. И, надеюсь, отработали, поэтому Яша и нашел меня после десятилетий абсолютной информационной блокады, во время которой все мои попытки узнать историю отца кончались ничем. Какие только люди не обещали мне найти Мишину могилу и данные о его израильской жизни – и в конце концов только руками разводили. Черная дыра какая-то. Впору было думать, что отец – агент 007.

Эта ковбойская легенда Мише, думаю, понравилась бы, но она неверна. А верно, что евреев по пустыне Моисей водил сорок лет, чтобы рабство изошло из души народа. И мне вышел такой же срок изгнания в пустыню отдаленности от отцовской поддержки.

Меж тем эмигрантская история отца оказалась вполне проста: в то время, когда он женился, ситуация в Израиле была нестабильная, денег не хватало, поэтому надо было искать иные возможности заработка. Отец получил контракт в Канаде, с 1975 жил там с женой, они родили дочь в 1978, но в 1980 жена настояла на возвращении на историческую родину. Говорят, до сих пор жалеет – в Канаде было легче.

По возвращении в Израиль жена нашла работу, а у отца были с этим сложности. Ситуация усугублялась тем, что в 1982 у них родилась вторая дочь.

Наконец в 1983 году отец устроился на стабильную службу. А в 1984 пришел после работы в пустую квартиру, и у него случился сердечный приступ. Вечером вдова нашла его труп в доме. Хоронят в жарком Израиле в день смерти. Вскрытия не было.

Давид Гарбер с женой прожил в эмиграции довольно долго. На вопрос «Как жизнь в Израиле?» отвечал «Кефир здесь плохой». Его жена, молчаливая еврейка из Бессарабии, пережила его на несколько лет и умерла в конце 1990-х.

Наташа говорит, что до сих пор иногда ей в толпе кажется, что – вот он, Миша, по улице идет. Глянет – нет, конечно, не он... Не может быть...

Эпилог

*Почему волна, у которой есть столько простора, бьется о камень?
Почему она идет, сначала молитвенно сложив руки, а потом вскипает и изо всех сил бьет его? И так без конца...
Чего она от него требует? Чтобы он ушел? Чтобы любил ее?
Иногда она ластится к нему. Иногда бушует.
Но все бесполезно...
Камень умер и его не разбудить.
Он умер. Ему не уйти, не любить. Он мертв.
Но силой любви или ненависти она хочет его воскресить.
Мы отвечаем за промахи предков, наверное, затем, чтобы нашим потомкам не пришлось отвечать за нас.
Михаэль Гарбер «Мысли для узкого круга»*

Когда-то я была маленькой девочкой в платьице колокольчиком, да уплыл тот причал...

Потом я была заключенным под мостками причала – снизу вода, сверху доски, на них – пистолет. Вода плещет, дыхание захлестывает. В минуты затишья можно смотреть на небо в щели между досками причала. Когда начинается прилив, борьба за жизнь особенно тяжела. Кандалы ржавеют вместе с терпением. Пистолет давно смыло приливом. Да и что толку от пистолета, когда даже стрелять не в кого. На мили вокруг – одна вода.

Но однажды случилось чудо – кандалы, наконец, прогнили. Я выбралась наверх, и в двух шагах от причала нашла отцовский воздушный замок. Он смахивал на старую яхту, но оказался крепок и поддался починке.

Теперь я тихонечко иду под парусом, разглядывая в тумане свое будущее.

Кровь – сильная штука, так что на крутом повороте я обычно успеваю увидеть, где тут отмели и стремнины. И плыву дальше.

А ночью, пока моя яхта дрейфует в пространстве снов, в небе сияет созвездие отца – замок и пистолет.

Хорошо, что уплыл причал. Интересно, что впереди. Надеюсь, жизнь.

Отцовская книга начинается предисловием, а заканчивается эпилогом. Я их переставила. В моем зеркале они поменялись местами. Так вот,

Отчего написал автор эту короткую книгу? От наблюдательности и неполноценности, от тщеславия и беспомощности, от внутреннего страха перед смертью и от внутренней силы. От того, что понял, чего не хочет, и не хотел понять, чего не может. От красного отчаяния и серой злобы, от смутной ненависти и волнующей непосредственности. От выпитого вина и жажды любви. От мании величия и бдительного самоанализа. От веры в себя.

*Читай же ее читатель! Будь мужествен, будь бережен, будь добр и верь мне. Верь!
Я вырос из многих мыслей этой книги, но не отказываюсь от них.
Я благодарен им. Они – мои братья, мои друзья.
И эта книга – наш общий праздник, наш долгожданный сбор.
Михаэль Гарбер «Мысли для узкого круга»*

Весеннее утро

(стихотворение Алана Милна, вольный перевод Натальи Гарбер, 1984)

Куда я плыву? Я не знаю, куда.
Туда ли, где в лютиках берег пруда.
Меж сосен, сверкая, струится вода...
Куда-то далеко. Не знаю, куда.

Куда я смотрю? Облака надо мной
Всё заняты странной беспечной игрой.
Их тени проносятся мимо – везде
По шустрой, веселой, зеленой воде.

Когда б ты был облаком, там, в вышине
И плыл так легко, словно воздух, ко мне,
Присвистнув, кричал бы оттуда, смеясь:
«Не правда ли, зелено небо сейчас?»

Когда б ты был птицей и жил как хотел,
Ты встретил бы ветер и с ним улетел,
Чтоб после, вернувшись, мне тихо сказать:
«Сюда-то как раз и хотел я попасть!»

Куда я плыву? Я не знаю и тут.
Не все ли равно, куда люди плывут?
Туда, где в лесу незабудок вода.
Куда-то далеко. Не знаю, куда.